

Галанов Михаил Маркович

ПРИМЕНЕНИЕ КАНОНИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАКТИКЕ БРАКОСОЧЕТАНИЙ И БРАКОРАЗВОДНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена исследованию практики бракосочетаний и бракоразводных процессов на территории западных земель, присоединенных к России в конце XVIII века. Автор приходит к выводу о слабости как государственного законодательства, так и церковного канонического права в этой сфере, а также о многочисленных его нарушениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 43-49. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

9. Илджев А. А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 212 с.
10. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001. 342 с.
11. Коныхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. 348 с.
12. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и законодательная практика. М., 1998. 288 с.
13. Мальцев В. В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 692 с.
14. Михайлов К. В. О понятии и правовой природе условного осуждения // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 35-37.
15. Набиев Н. И. Принципы назначения наказания: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 171 с.
16. Непомнящая Т. Учет судами общих начал назначения наказания // Уголовное право. 2001. № 3. С. 29-33.
17. Российское уголовное право: в 2-х т. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. Т. 1. 528 с.
18. Савенков А. В. Принцип индивидуализации при назначении наказания: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 241 с.
19. Салихов З. М. Индивидуализация наказания при его назначении судом по российскому уголовному праву: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 212 с.
20. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. 344 с.
21. Сундурова О. Ф. Усиление (отягчение) уголовного наказания: вопросы дифференциации и индивидуализации: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 222 с.
22. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 776 с.
23. Хамитов Р. Н. Специальные правила назначения наказания за единичное преступление: дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 223 с.
24. Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. М.: Проспект, 2010. 320 с.

THE CONTENT OF SENTENCING SPECIAL REGULATIONS SYSTEM: CONCEPTIONS AND APPROACHES DETERMINATION

Liliya Rubinovna Valeeva

Department of Criminal Law and Criminology

Ulyanovsk State University

Rahiima@yandex.ru

The author considers sentencing special regulations as an entire system, critically estimates the views regarding the content of the institution under discussion given in criminal law theory and consistently substantiates her position by using systematic approach.

Key words and phrases: system elements correlation; sentencing regulations; systematic approach; system content.

УДК 947.071

Статья посвящена исследованию практики бракосочетаний и бракоразводных процессов на территории западных земель, присоединенных к России в конце XVIII века. Автор приходит к выводу о слабости как государственного законодательства, так и церковного канонического права в этой сфере, а также о многочисленных его нарушениях.

Ключевые слова и фразы: Римско-католический департамент; бракоразводные процессы; каноническое право; Полвский трактат; «неважность брака»; дефенсор; суд; консистория.

Михаил Маркович Галанов, к.и.н., доцент

Кафедра истории и политологии

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

galanovmm@rambler.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КАНОНИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПРАКТИКЕ БРАКОСОЧЕТАНИЙ И БРАКОРАЗВОДНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНЫХ ЗЕМЕЛЬ, ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА ©

Одной из сфер жизнедеятельности Римско-католического департамента на территории Российской империи, которая приобрела актуальность в конце XVIII века в связи с присоединением к России большого массива земель бывшей Речи Посполитой, была практика бракосочетаний и бракоразводных процессов между католиками, православными, лютеранами и униатами и применение канонического законодательства в этой сфере. Эта проблема волновала «митрополита всех римско-католических церквей в России», архиепископа

Могилевского С. Сестренцевича, регулярно была в повестке дня заседаний департамента. На примере нескольких случаев из практики попробуем выявить определенные тенденции в реализации этих проблем.

26 марта 1797 г. указом Его Императорского Величества «прилагаемое при оном прошение Графа Сераковского, Епископа Летичевского, о рассмотрении представляемого им объяснения распоряжений, по мнению его необходимых для благоденствия вверенной ему паствы, высочайше указать соизволил: препроводить на рассмотрение Правительствующего Сената» [9, д. 26, л. 1].

20 мая Сенат рассмотрел это прошение. Одной из тем, в нем поднятых, было нарушение, по мнению Сераковского, «греко-восточными» церковниками Полвского трактата 1768 г. между Россией и Речью Посполитой, согласно которому вступающих в брак представителей разных христианских конфессий венчает священник невестинной веры, а при рождении детей сын принимает веру отца, а дочь – матери. Решили передать вопрос в Римско-католический департамент [Там же, л. 1 об. - 2 об.].

23 мая департамент констатировал, что в трактате 1768 г. разрешается в исключительных случаях ксендзам венчать браки православных невест. Проблему департамент увидел в том, что не только православные священники не выполняют своих обязанностей, но и ксендзы должны забыть свои «суровость, вымогательство чрезмерной платы, а также наваждение невестам зазрения совести и упрекание, что они соединяются с неверными» [Там же, л. 8 об. - 9 об.].

12 июля 1797 г., находясь в Виннице, М. Сераковский снова жалуется на православных священников, нарушающих трактат 1768 г. (артикул 2, § 10) о том, что дети, родившиеся от межконфессиональных браков, крестятся: мальчики – в веру отца, а девочки – в веру матери. Они же крестят всех в православие, и при межконфессиональных венчаниях берут с молодых расписки, что те будут крестить своих детей в православие [6, д. 63, л. 1-2].

25 августа Римско-католический департамент отложил рассмотрение этого вопроса, а 1 сентября вспомнил, что эта проблема была решена указом Сената от 13.11.1780, данным на имя Белорусского генерал-губернатора, генерал-фельдмаршала, графа З. Г. Чернышева. Постановили запросить у Сераковского: кто, где и когда конкретно допустил нарушения. 4 сентября запрос был отправлен [Там же, л. 4-5]. 25 сентября, находясь в Умани, Сераковский ответил департаменту, что уже дал указание консистории подготовить все запрашиваемые материалы [Там же, л. 7].

27 июля 1797 г. Сераковский из Винницы шлет рапорт в Римско-католический департамент о том, что к нему обратилась помещица Мария Потоцкая с тем, что её дочь Юзефа ночью тайно сбежала с поручиком Краузе в село Потоки, где их обвенчал православный священник Василий Страцинский «в противность... согласного им исповедания веры». Летичевская консистория постановила в связи с допущенными каноническими нарушениями считать брак «неважным» и просила православного Подольского и Брацлавского архиепископа Иоанникия наказать Страцинского, но он этого не сделал [2, д. 62, л. 4-5].

28 июля М. Сераковский направил в Римско-католический департамент разводные дела:

- 1) шляхтинки Анны де Мирис со шляхтичем Яном Берже, оконченное 11 мая;
- 2) графини Борковской с Коропатским старостой Йозефом Яблоновским, оконченное 11 мая;
- 3) Теофилии Хреченовской с полковником Глазенаппом, оконченное 13 мая;
- 4) шляхтинки Анны Дурской со шляхтичем Василием Кропельницким, оконченное 13 мая;
- 5) Екатерины Рудницкой со шляхтичем Станиславом Малишевским, оконченное 24 июня;
- 6) Агнешки Орховской с майором Франчишком Ставским, оконченное 24 июня;
- 7) графини Саломеи Потоцкой с камергером Людовиком Старжинским. Так как последний подал апелляцию, то дело высылается со всеми бумагами. Причинами данных разводов были: неканоничность браков, боязнь насилия, неподходящий возраст, принуждение к любви [3, д. 64, л. 1 - 1 об.].

5 августа Сераковский отправил в департамент ещё шесть разводных дел:

- 1) Марианны Полебовской с полковником Клеменсом Лещинским, оконченное 8 июля;
- 2) шляхтинки Магдалены Белуцкой со шляхтичем Криштофом Бдетецким, оконченное 10 июля;
- 3) шляхтинки Анны Маковской с Юзефом Мазаракским, оконченное 13 июля;
- 4) Комплюновского старосты Михаила Миончинского с Еленой Павшовой, оконченное 17 июля;
- 5) Марианны Радзиевской с майором Августином Пржебендовским, оконченное 20 июля;
- 6) шляхтинки Петронелии Малусовой со шляхтичем Даниилом Семецким [Там же, л. 2].

25 августа 1797 г. департамент слушал рапорты Сераковского, но разбор их по существу перенесли на следующее заседание. 1 сентября члены департамента пришли к выводу, что дело Старжинского, подавшего апелляцию, нужно изучить внимательно, составить экстракт и рассмотреть следующий раз. А Сераковскому напомнить, чтобы прислал в департамент все разводные дела из своей консистории согласно Указу Его Императорского Величества от 26 февраля 1797 г., в котором сказано, «чтобы дела сии, по окончании в частных духовных Правительствах входили на вершение в сей департамент, а из оного по Апелляции в Сенат... И впредь чтоб присылали все консистории, дать знать указами...» [Там же, л. 3-5].

4 сентября Римско-католический департамент разослал указы епископам: Летичевскому Сераковскому, Полоцкому Лисовскому, Виленскому Коссаковскому, Могилевскому Сестренцевичу, Жмудскому Гедройцу и Пинскому Цецишевскому [Там же, л. 8-11]. 7 сентября Сестренцевич, сообщив о получении указа, написал: «Впрочем, от многих лет не помню решенных в консистории Могилевской разводов» [Там же, л. 12].

21 сентября Я. Коссаковский по получении указа отвечал, что разводных дел в консистории много, но решенных нет, т.к. законы на этот счет у нас отсутствуют, нужно обращаться к папе Римскому, переписка с которым запрещена, а канонической власти для разводов папа ему, Коссаковскому, не дал [Там же, л. 14 - 14 об.].

2 декабря 1797 г., пребывая в Виннице, М. Сераковский рапортует в департамент о том, что посылает разводные дела для рассмотрения и утверждения по таким фамилиям, как Яблоновские, Кропельницкие, Лещинские, Малишевские, Ставские, Миончинские, Пржебендовские, Бдетецкие и Семецкие. В заключение письма архиепископ констатировал: «...наивернейшее доношу Государственному Департаменту, что непременно нужно духовных содержать в строгой власти по-прежнему распоряжению для политического вида» [1, д. 115, л. 1-2].

Изучив присланные дела, 12 апреля 1798 г. Римско-католический департамент постановил прислать в департамент отсутствующие подлинные документы (прошения, клятвы, доверенности) в делах следующих господ:

- 1) Франчишка Ставского с женой Агнией Орховской;
- 2) Христофора Бдетецкого с женой Магдаленой Белуцкой;
- 3) Иосифа Мазарака с женой Анной Маковской;
- 4) Михаила Миончинского с Еленой Павшовой;
- 5) графа Пржебендовского с Марией Радзиевской;
- 6) Даниила Семецкого с Петронелию Малусовой;
- 7) Северина Вислоцкого с Терезой Собищанской [Там же, л. 6].

16 сентября 1798 г. Римско-католический департамент опять заявил, что в ненадлежащем порядке находятся дела Яблоновских, Ставских, Бдетецких, Мазараков, Миончинских, Пржебендовских, Семецких и Рудницких [Там же]. Кроме этого, постановили в связи с образованием новых епархий по указу Его Императорского Величества от 28.04.1798 повторно напомнить Сераковскому о необходимости передачи всех разводных дел новому архиепископу Я. Дембовскому с тем, чтобы всё ещё раз внимательно изучить [Там же, л. 6 об. - 7].

5 ноября из Каменец-Подольска Дембовский отрапортовал в департамент, что 28 октября все вышепоименованные дела получил. Дела Рудницких, Яблоновских и Миончинских по проживанию их в Волынской губернии отослал Луцкому епископу Цецишевскому. Остальные были приняты к производству [Там же, л. 8 - 8 об.].

7 декабря Луцкая консистория рапортовала, что собрала дополнительные документы на Рудницких, Яблоновских и Миончинских, но принять окончательное решение на их основании всё равно невозможно. 27 января 1799 г. Римско-католический департамент слушал этот рапорт и постановил, что нужно собирать недостающие бумаги [Там же, л. 10-13]. Наконец, 4 марта 1801 г. Луцкая консистория направила в департамент рапорт с приложением 42-х документов, собранных в разводном деле Миончинского [Там же, л. 15].

Посмотрим далее более подробно дело Миончинского, являющееся своеобразным образцом, по которому представляется возможным отследить механизмы и процедуры разводного процесса. 28 января 1797 г. Ян-Хрисостом Качковский, епископ-суффраган Луцкий, архидиакон Брестский, пробощ Дубенский и ордена Св. Станислава кавалер, опубликовал «Объявление всем пробощам, приходским ксендзам, викарным и иным священникам, клирикам и служителям костелов».

Качковский сообщил, что Летичевский архиепископ граф Сераковский назначил его главным судьей по разводному процессу Дубенского поветового судьи и ордена Св. Станислава кавалера Михаила Миончинского со своей женой Еленой, дочерью подкормия Овруцкого Павшова. Он повелел, чтобы 11 февраля в господском доме села Добратин оба предстали перед судом. До суда необходимо установить, истинно ли заявление Миончинского о «неважности и скрытности супружества» [Там же, л. 18 - 19 об.].

11 февраля 1797 г. судебное присутствие заседало в г. Дубне. Елена Павшова не приехала, а прислала вместо себя поверенного шляхтича Антония Гавронского, которому выдала доверенность ещё 25 октября 1796 г. Он представил её настоятельную просьбу о том, чтобы суд заседал в с. Добратин и о том, чтобы Гавронский был судьей по её делу. Качковский на основании буллы папы Бенедикта XIV назначил Елене дефенсором (*защитником интересов женщины в разводном процессе* – М. Г.) клирика Олыцкой академической школы, профессора морального богословия и математики Иоанна Бартницкого, секретарем суда провозгласил Луцкого пиара Михаила Августиновича и согласился на перенос места заседания [Там же, л. 20-23].

29 февраля суд заседал в с. Добратине. Елену представлял Гавронский. Бартницкий потребовал изучить «пункты», доказывающие «неважность» супружества, и перенести суд в г. Дубну. Качковский согласился с этими предложениями [Там же, л. 23 об. - 25].

На третьем заседании, опять же в отсутствие Е. Павшовой, Бартницкий заявил, что брак был заключен во Львове, а имения жены находятся в Могилевской и Пинской епархиях, поэтому разбором дела должны заниматься последние. Также, по его мнению, является неканоничной ссылка Миончинского на сокрытие женой своего нездоровья, исходя из чего его иск незаконен [Там же, л. 25 об. - 32].

На четвертом заседании суда, состоявшемся 6 марта в г. Дубне, Миончинский заявил, что произошла ошибка «не только относительно сущности особы, но ещё и относительно качества особы, когда оное относится к особе и ограничивает соизволение вступающего в супружество с тою же особой как таковым качеством не одаренною... из нынешнего случая... открывается препятствие, супружество уничтожающее...» [Там же, л. 34]. Качковский назначил следующее заседание на 20 марта и повелел призвать свидетелей [Там же, л. 35 об.].

Однако пятое заседание состоялось только 13 апреля. На нем Миончинский представил свидетелей: ксендза Матвеевского костела Ануфрия Рихтера, шляхтичей Иосифа и Франчишка Зелинских, Петра Островского, Матвея Витковского и Казимира Гилевича. Они поклялись, что Елена Павшова страдает падучей болезнью. Качковский их допросил по отдельности и повелел подготовить копии протоколов допросов для следующего заседания [Там же, л. 36 - 38 об.].

29 апреля на шестом заседании в Дубне Бартницкий допытывался у Миончинского: как же он не разглядел, что невеста страдает падучей болезнью, и неужели не было об этом информации из независимых

источников? Бартницкий предположил, что болезнь можно вылечить, и предложил затребовать экспертные заключения лекарей [Там же, л. 42-45].

1 мая, выслушав ещё раз Миончинского и Бартницкого на седьмом заседании, судья заявил, что дело окончено и приговор будет объявлен 18 мая в с. Добрятине [Там же, л. 57 - 57 об.].

18 мая в с. Добрятине открылось восьмое и последнее заседание судебного присутствия. В речи-приговоре Качковского представляется возможным выделить следующие основные тезисы:

1) истец, находясь «в возрасте цветущей молодости, довольно снабженный остротой разума... обманул-ся... которую ошибку потом уже по вступлении в брак заметил»;

2) «...о прельщении и обмане просителя к тому путеводствующих посредников никакого нет сомнения»;

3) «...существенная ошибка относительно особы либо и качества особы, с которою кто вступает в союз супружеский, уничтожает супружество по натуральному праву...»;

4) «...ибо каждый союз, под истинным условием учиненный, буди условие не выполняется, почитается за неважный» [Там же, л. 76 - 78 об.].

В заключение прозвучал вывод: «И таким способом супружеству между Михайлою Миончинским и... Еленою с фамилией Павшова по зашедшим вышереченным препятствиям, нетвердым, неважным и никаким быть и оставаться признали... от часто поминаемого мнимого супружеского Союза уволили и навсегда развели...». Елену суд обязал уплатить дефенсору 24 золотых червонца [Там же, л. 81 об. - 82].

Однако на этом дело не закончилось. 9 июня 1797 г. Е. Павшова подала апелляцию. 24 июня состоялось первое судебное заседание в Виннице в епископском доме под председательством Сераковского. Ей назначили в качестве дефенсора Летичевского каноника Антония Каминского [Там же, л. 116].

На второе заседание, состоявшееся 8 июля, Павшова и её дефенсор не явились. Вместо Миончинского был его адвокат – присяжный консистории Матвей Вишневский, который просил закончить дело в связи с неявкой противной стороны в пользу Миончинского. Суд по письменному заявлению Каминского выдал ему документы для ознакомления [Там же, л. 116 об. - 118].

На следующем судебном заседании, 13 июля, новый дефенсор шляхтич Антоний Жюнршецкий рассуждал о таинстве брака в том смысле, что в данном случае его отсутствие никто не доказал [Там же, л. 119 об. - 120 об.]. А Вишневский заявил, что «не есть то желанно, что не познано» [Там же, л. 122].

Наконец 17 июля 1797 г. судебное присутствие постановило: «Поелику окажется, что помянутый первого суда... декрет... есть основан на сущей справедливости и самой правде... решительный первого суда декрет... утвердить, укрепить и за нерушимый объявить... супружеский союз... Михайлы Миончинского с дочерью подкормия овруцкого Еленою по фамилии Павшова был и есть заключен незаконно; судящиеся стороны к совершенному состоянию возвращаем...» [Там же, л. 127 об. - 128].

6 марта 1798 г. был обнародован указ Сената Римско-католическому департаменту. Суть его сводилась к следующему. На одном из своих заседаний Сенат слушал ведение Синода, в котором говорилось, что они получили рапорт от Минского архиепископа, сообщавшего о получении 28 февраля 1797 г. из Слуцкого духовного правления представления о том, что столоначальник тамошнего нижнего земского суда православный Сергей Бытчиков повенчан был 15.02.1797 с девицей Христиной (лютеранкой) в Слуцком Фарском костеле ксендзом-бернардином по римскому обряду [8, д. 149, л. 1].

На основании Польшского трактата между Россией и Речью Посполитой от 1768 г. (артикул 2, § 10) браки между мужчинами греко-российской веры и женщинами иной веры заключает священник женской веры, но с предоставлением уведомления от православного священника о «свободности» вступления в брак мужской половины. Сенат постановил не венчать браки без этих документов [Там же, л. 1 об. - 2 об.].

8 марта 1798 г. Римско-католический департамент постановил: указ Правительствующего Сената от 6 марта размножить и копии разослать по всем католическим и униатским диоцезиям. За подписью вице-президента И. Лобаржевского 11 марта указы были посланы епископам: Полоцкому Лисовскому, Пинскому Цецишевскому, Летичевскому Сераковскому, Виленскому Коссаковскому, Жмудскому Гедройцу, Туровскому Булгаку, Брестскому Гловневскому, а также Могилевской римско-католической консистории и Гродненской униатской консистории [Там же, л. 3 - 3 об.].

1 июня 1799 г. Виленская консистория направила в департамент рапорт с приложением разводного дела между Анжелой Павловской и её мужем Антонием Ашабергом. Суть дела сводилась к следующему. 5 декабря 1798 г. Анжела принесла в консисторию заявление о разводе по причине принуждения к браку. 8 января 1799 г. она попросила назначить ей дефенсора.

28 января Анжела попросила принудить ответчика явиться на суд. Консистория обратилась к городничему, и 22 февраля обе стороны предстали перед судом. В качестве дефенсора Анжеле был назначен Адам Гутковский. Она сообщила суду, что никогда не любила мужа и вышла за него по настоянию родителей. На этом же заседании поверенный жены Игнатий Будович попросил вызвать в суд её родителей [5, д. 300, л. 1 - 6 об.].

7 марта на следующем заседании суд допросил свидетелей: со стороны жены – священника Станислава Корженевского, а со стороны мужа – священника Антония Емеленовича. Под присягой Корженевский показал, что будущий муж подкупил родителей Анжелы («давал подарки») [Там же, л. 8 - 9 об.]. Однако муж считал причиной разлада в семье появление у них в доме 12.05.1796 в качестве гостя господина Шимбеленга-Гобена, в которого Анжела влюбилась [Там же, л. 17]. Еще один свидетель, Николай Котович, утверждал, что он бывал в доме Павловских и наблюдал, как родители заставляли дочь сойтись с Ашабергом, а «девица же... совсем была холодного сердца к особе г-на Ашаберга...» [Там же, л. 24].

На заседании суда 26 апреля свидетельница со стороны истицы Екатерина Маевская показала, что причиной заключения брака могла быть стоимость имения Ашаберга – 40 000 злотых, которую ей назвал отец Анжелы [Там же, л. 30]. А свидетель со стороны мужа Самуил Кигит сообщил: «Ходя в дом родителей... с Ашабергом, видел, что были дружба между Ашабергом, Отцом и Матерью Просительницы, также и Ею самою» [Там же, л. 48].

На судебном заседании 10 мая 1799 г. выяснились новые подробности дела. Оказалось, что мать угрожала Анжеле лишить её наследства, а отец бил тростью за неповиновение. Она гуляла с другим, которого любила. Во время свадьбы Анжела плакала, а священник Олизарович не беседовал предварительно с молодыми, а взял «клятву благословения» на брак с её родителями. Исходя из всего вышесказанного, судебное присутствие приняло решение о разводе. Виленская консистория наложила пятидневную епитимию на Олизаровича и родителей Анжелы [Там же, л. 60 - 60 об.]. Римско-католический департамент утвердил решение Виленского консисторского суда [Там же, л. 61].

5 июня 1800 г. Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских Дел направила в Римско-католический департамент сообщение, что лютеранский пастор Карл-Готлиб Венцель прислал им список незаконных браков, состоявшихся в Полоцкой (Белорусской) губернии в 1794-1800 гг. и заключенных католическим и униатским духовенством. Коллегия просила наказать виновных, оградить от повторения этого в будущем и сообщить о принятых мерах [7, д. 417, л. 1].

Итак, согласно ведомости Венцеля, незаконными были браки:

- 1) башмачника Дике и Елены Деринг в 1795 г. (оба лютеране);
- 2) секретаря Андрея Штейба и Агнессы фон Инглинг 3 февраля 1796 г. (оба лютеране);
- 3) Сушевского (католика) и Елены Соколовской (лютеранки) в 1796 г.;
- 4) портного Иосифа Дикте (католика) и Доротеи-Елизаветы Сель (лютеранки) в 1794 г.;
- 5) управителя Андрея Мардиновича и Екатерины Витт в 1796 г. (оба лютеране);
- 6) Иоакима Фолоцкого (католика) и Елизаветы Скин (лютеранки) в январе 1798 г.;
- 7) Степана Александровича (католика) и Рубовской (лютеранки) в августе 1798 г.;
- 8) шляпочного мастера Георга Бранса и вдовы Анны-Доротеи Мейер-Шиман в 1795 г. (оба лютеране);
- 9) сельского жителя Иоганна-Авраама Фишера и вдовы Доротеи-Агнессы Дебнер в мае 1796 г. (оба лютеране);
- 10) столяра Христиана Глиндемана с Лифляндской девицей (*фамилия пропущена* – М. Г.) зимой 1798 г. (оба лютеране);

11) кожевника Иоганна-Генриха Мертенса и Розины Брехт в 1798 г. (оба лютеране) [Там же, л. 7 об. - 8].

В заключение своего доноса Венцель глубокомысленно замечает: «Сии вышеприведенные примеры противозаконно венчанных браков доказывают необыкновенную легкомысленность, с каковою римско-католические и грекоунитские Священники в здешних Белорусских провинциях венчают браки, от чего неминуемо должны произойти многие и различные беспорядки» [Там же, л. 8 об.].

19 июля 1800 г. Римско-католический департамент постановил послать эти сведения в Полоцкую и Могилевскую консистории, чтобы они разобрались и доложили [8, д. 149, л. 11 - 11 об.]. 23 августа Могилевская консистория рапортовала в департамент о получении бумаг, а 28 августа – Полоцкая [Там же, л. 14 - 15 об.]. 10 октября Полоцкая консистория за подписью официала Г. Кохановича сообщила в департамент, что ей не удастся собрать в консистории для дознания всех поименованных в списке Венцеля [Там же, л. 18-19]. 11 октября Могилевская консистория за подписью епископа-суффрагана А. Берента доложила в департамент, что Венцель не прибыл на заседание следственной комиссии, созданной консисторией [Там же, л. 17].

18 октября Юстиц-коллегия информировала департамент, что она направила в Могилевскую консисторию пастора Фолбройта, а в Полоцкую – пастора Карштета для помощи в разборе ситуации [Там же, л. 16]. Однако уже 30 октября обе консистории сообщили в департамент, что работа по списку Венцеля не имеет реальных перспектив: «за чем дело остановилось...» [Там же, л. 20 - 20 об.].

20 июля 1800 г. Вилкомирский ротмистр Иван Карвовский направил Павлу I прошение о дозволении ему жениться на родной сестре своей покойной жены [4, д. 430, л. 1 - 1 об.]. Регистратор департамента Павел Станкевич подготовил справку о том, что в аналогичном случае майора Данзаса в октябре 1797 г. император дал согласие и велел впредь такие случаи согласовывать с ним [Там же, л. 2 - 2 об.].

28 августа Римско-католический департамент на своем заседании рассмотрел заявление Карвовского. Из него следовало, что жена его, Юлиана Козелова, умерла при родах, а он хочет жениться на её сестре Петронелле Козеловой, т.к. уже есть приданое и дочери она родня. Виленская консистория не рискнула решить этот вопрос и отправила документы в департамент [Там же, л. 3 - 3 об.]. Последний решил обратиться в Сенат за резолюцией государя. Донесение было отправлено 11 сентября [Там же, л. 4 - 6 об.].

Рассмотрение вопроса в Сенате затянулось и произошло уже после смерти Павла I, 18 марта 1801 г. По этому делу докладывал новый президент Римско-католического департамента архиепископ Я. Бениславский, который не рекомендовал разрешать брак по каноническим причинам. Сенат с ним согласился и отказался обращаться к императору, мотивировав это тем, что при учреждении департамента, а потом и указом Его императорского Величества от 05.05.1799 ему были даны все полномочия по решению брачных дел [Там же, л. 7 - 7 об.].

19 апреля Римско-католический департамент слушал решение Сената и постановил вызвать Ивана Карвовского для оглашения решения в департамент через Виленскую консисторию [Там же, л. 8-9].

Подведем итоги. Во-первых, практика давала много примеров нарушения православными и католическими священниками положения Полвского трактата между Россией и Речью Посполитой от 1768 г. (артикул 2, § 10) о том, что межконфессиональные браки венчает священник невестинной веры, а дети крестятся: сыновья – в веру отцов, а дочери – в веру матерей.

Во-вторых, можно в результате анализа разводных дел выделить основные причины разводов: неканоничность заключенных браков, болезнь супругов, неподходящий возраст, боязнь насилия, принуждение к любви, экономическая заинтересованность родителей.

В-третьих, к этому времени (переходу западных земель под юрисдикцию России) в консисториях скопилось много нерешенных разводных дел. Консистории требовали от разводящихся сторон как можно больше документов по существу дела, но и обилие бумаг не помогало им в нахождении правильных решений.

В-четвертых, анализируемые брачно-разводные дела содержат такие ключевые для того времени понятия, как «неважность брака» (его нереальность, фиктивность, а может быть, и отсутствие половых отношений мужчины и женщины) и «качество особы» (физические качества человека, препятствующие браку).

В-пятых, приходится констатировать, что призывы Римско-католического департамента к разбору всех нарушений и наказанию виновных далеко не всегда доводились местными консисториями до реального воплощения.

В-шестых, из практики правоприменения представляется возможным сделать вывод о более либеральной позиции государства в вопросах браков и разводов, чем католической церкви.

В чем же кроются причины столь нестабильной ситуации? Как нам представляется, необходимо указать следующее. Во-первых, рассматриваемые проблемы имели место на территории земель, совсем недавно перешедших под юрисдикцию российского самодержавия. Во-вторых, указом от 17 марта 1799 г. было категорически запрещено обращаться к законодательству Ватикана и принимать папские буллы к исполнению в России. В-третьих, ни в «Регламенте» от 03.11.1798, ни в «Пунктах» от 11.12.1800 (*основные документы, регламентирующие жизнь католической церкви в России – М. Г.*) не были прописаны нормы брачно-семейного законодательства для католического населения.

При образовании при «Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел Департамента для Римско-Католических Юстицких дел» 26 февраля 1797 г. в Именном указе, данном Сенату, было сказано, что он образуется «по делам, до духовенства и брачных тяжб относящимся», и в нем «производиться сим делам на основании принадлежащих тем народам законов» [10, № 17836, с. 493]. Как мы знаем, данная норма вошла впоследствии в противоречие с запретом какого-либо общения с Ватиканом.

Наконец, определенные разъяснения на этот счет были получены в Сенатском указе от 22 июня 1798 г. «Об апелляционном порядке для нижних военных служителей, Священников и монахов Римско-Католического исповедания». Правда, касались они исключительно процедурных вопросов: «...дела о брачных тяжбах, в которых решение одного Суда не довольно по Каноническим правилам и обряду Римско-Католической церкви, хотя б и обе стороны оставались довольны; и для того, что таинство брака требует осторожения от своевольных злоупотреблений, но когда и во втором месте, куда дела таковыя без апелляции переноситься должны, последует решение, сходное с первым судом, тогда дело оканчивается... но если кто из тяжущихся будет недоволен решительным постановлением какого суда, то, сообразно вышеупомянутым об апелляциях указам, непременно должно такового с апелляциею допускать до Сената» [11, № 18560, с. 282-283].

Таким образом, годы правления Павла I были нелегким временем практического отсутствия четких канонических норм для семейно-брачных дел населения Российской империи, принадлежащего к католической конфессии.

Список литературы

1. Дело, вступившее от Летичевского Епископа и Кавалера Графа Сераковского, Михаила Миончинского о разводе с женой его Еленой, урожденной Павшовой // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 822. Оп. 1.
2. Дело по двум Рапортам Летичевского Епископа Графа Сераковского: 1. Касательно увезенной поручиком Краузом Йосефы Потоцкой из дому матери ея Марии Потоцкой и о прочем; 2. В рассуждении отношения брацлавского Грекороссийского Епископа Иоанникя с жалобой на некоторых его Сераковского Епархии священников в обращении якобы из греко-российского в римское исповедание и о прочем // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
3. Дело по представлению в сей Департамент при рапорте Летичевского Епископа Графа Сераковского двенадцати разводных дел // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
4. Дело по Прошению Вилкоморского Ротмистра Ивана Карвовского о дозволении ему вступать в супружество с родной сестрой первой его жены // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
5. Дело по Рапорту Виленской консистории с приложением разводного дела между Анжелю, урожденной Павловской, и мужем её Антонием Ашабергом // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
6. Дело по Рапорту Летичевского Епископа Графа Сераковского с жалобой, что греко-восточного исповедания Священники, где только известятся о родившихся римского исповедания младенцах по селениям, тотчас отправляются на места и крестят оных, и прочем // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
7. Дело по сообщению Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских Дел о противозаконно сочетанных браках Белорусской Губернии Римско-Католическим и Унитским Духовенством // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
8. Дело по Указу Правительствующего Сената дабы Римское духовенство не благословляло браков между двумя лицами Греческого и Римского Исповедания без предварительного отношения к Греко-российским духовным // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
9. Дело Правительствующего Сената 3 департамента о рассмотрении сему департаменту приложенных Летичевского Епископа Графа Сераковского представлений касательно постройки в Украине 24 церквей, о бракосочетаниях и о прочем // РГИА. Ф. 822. Оп. 1.
10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Сер. 1. СПб., 1830. Т. 24.
11. ПСЗРИ. Сер. 1. СПб., 1830. Т. 25.

CANONICAL LEGISLATION APPLICATION IN MARRIAGE AND DIVORCE PRACTICE WITHIN WESTERN LANDS ANNEXED TO THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE XVIIITH CENTURY

Mikhail Markovich Galanov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
St. Petersburg State University of Engineering and Economics
galanovmm@rambler.ru

The author studies marriage and divorce practice within the western lands annexed to Russia at the end of the XVIIIth century and concludes the weakness of both state legislation and church canonical legislation in this sphere as well as its numerous violations.

Key words and phrases: Roman Catholic department; divorce proceedings; canonical legislation; Polvsk treatise; “unimportance of marriage”; defensor; court; consistory.

УДК 343.211

В статье дана оценка эффективности и справедливости уголовного закона и наказания за уклонение от уплаты алиментов путем анализа законодательной и судебной практики, исторического опыта и общественного мнения. Предложен путь модернизации состава преступления, предусмотренного ст. 157 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова и фразы: уклонение; содержание; алименты; санкции; дети; родители; иные лица.

Ольга Николаевна Городнова, к. филос. н.
Кафедра гражданско-правовых дисциплин
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
gorodnova.olga@yandex.ru

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ[®]

Семейный кодекс РФ (статьи 80 и 87) [6, ст. 16] закрепляет обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей и обязанности совершеннолетних детей по содержанию родителей. Несмотря на очевидность законодательных истин, на практике «маленький человек», нуждающийся в заботе, остается не защищенным ни семьей, ни государством. Законодательные и судебные решения, которые обязывают содержать несовершеннолетних и нетрудоспособных граждан, как правило, не исполняются. Практика показывает, что санкция, предусмотренная ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ), вступает в разрез с принципом уголовно-правовой справедливости.

Обозначив проблему, попытаемся выяснить, способно ли современное уголовное законодательство оптимизировать исполнительное производство и заставить уважать закон общества, а главное – защитить его подрастающее поколение? Для ответа следует обратиться к анализу законодательной теории и судебной практики, а также к общественному мнению. Так, например, приговором мирового судьи судебного участка № 10 Усть-Абаканского района Республики Хакасия Р. Б. Ажигов приговорен к 6 месяцам исправительных работ с удержанием 10% в доход государства за совершение злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ). Прокуратурой поддержано обвинение в отношении Р. Б. Ажигова, который надлежащим образом ознакомленный с судебным приказом мирового судьи судебного участка № 1 Усть-Абаканского района Республики Хакасия от 06.02.2009 года о взыскании с него в пользу И. Ю. Ажиговой алиментов на содержание несовершеннолетнего сына в размере 30% заработка и (или) иного дохода ежемесячно начиная с 05 февраля 2009 г. до достижения совершеннолетия ребенка и постановлением судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства, неоднократно предупрежденный об уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ, в период с 05.02.2009 г. по 15.11.2010 г. злостно уклонялся от уплаты средств на содержание несовершеннолетнего ребенка, тем самым образовалась задолженность в сумме 93 826 руб. 8 коп.

Таким образом, суды решениями «восстановили справедливость», полагая, что размер алиментов – 30% заработка – достаточен для жизнеобеспечения малолетнего; проработав 6 месяцев, преступник осознает общественную опасность своих действий, будет оплачивать содержание несовершеннолетнего ребенка.

Приставы используют все данные законодательством инструменты, чтобы алиментщики исполняли свой родительский долг. Эффективной мерой по взысканию алиментных обязательств является и ограничение права выезда за пределы России. В течение 2010 г. Управлением ФССП вынесено более 4,5 тысяч ограничительных, и каждый пятый из них – должник-алиментщик. В результате должниками погашена задолженность на сумму свыше 120 млн руб.